

Печатлук Светлана Калачериевна

МЕНТАЛИТЕТ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ

В статье представлено авторское понимание менталитета как теоретического феномена с точки зрения его влияния в социально-политических процессах. Предлагается расширительная методология анализа менталитета, подчеркивания его социально-политических аспектов, возможности его рассмотрения в рамках концепта "классовое сознание". Исходя из структурной формы менталитета "ядро - периферия", доказывается большая степень изменчивости периферийных слоев, которые подвержены информационной обработке и выступают в качестве мотиватора социально-политического поведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 155-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.4

Социологические науки

В статье представлено авторское понимание менталитета как теоретического феномена с точки зрения его влияния в социально-политических процессах. Предлагается расширительная методология анализа менталитета, подчеркивания его социально-политических аспектов, возможности его рассмотрения в рамках концепта «классовое сознание». Исходя из структурной формы менталитета «ядро – периферия», доказывается большая степень изменчивости периферийных слоев, которые подвержены информационной обработке и выступают в качестве мотиватора социально-политического поведения.

Ключевые слова и фразы: менталитет; социальные представления; глобализация; глобальная культура; коллективное сознание; политический миф.

Печатлук Светлана Калачериевна, к.и.н.

Кубанский государственный технологический университет

psvetlanak@mail.ru

МЕНТАЛИТЕТ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ[©]

Глобализационная динамика, как известно, порождает неоднозначную реакцию национальных культур и общественных систем. Отнюдь не всегда происходит поглощение глобальными ценностями местной культуры, весьма часто они образуют причудливый синтез, обозначаемый как локализация. Причем это может происходить неодинаковым образом в зависимости от места и времени. В связи с этим актуализируются исследования менталитета, которому в последние годы посвящено немало работ. В то же время, как представляется, в общественном сознании упор делается на культурные аспекты данного явления при некоторой недооценке его социально-политических сторон. Данная статья призвана восполнить этот пробел, что предполагает выполнение таких задач, как определение менталитета и его структурных компонентов, анализ роли менталитета в социально-политических процессах.

Как теоретический феномен менталитет разрабатывался в трудах ученых, принадлежащих немецкой исторической школе, в которых менталитет в основном трактовался в глубинном психологическом смысле (народный дух и т.п.). В современном общественном сознании менталитет получил более широкое толкование. Здесь видится «присущая индивиду или определенной социальной общности совокупность специфического склада мышления и чувств, ценностных ориентаций и установок, представлений о мире и о себе, верований, мнений, предсудков» [4]. Хотя говорить о менталитете как о системе весьма затруднительно, все же можно вычленил некоторые составляющие его структурные элементы. Известный отечественный специалист А. Редель предлагает, на наш взгляд, наиболее продуктивный подход к данной проблеме, учитывающий как исторический, так и динамический аспект этого явления. Менталитет рассматривается со структурной точки зрения и подразделяется на «ядро» и «периферию». Первое устойчиво, тогда как второе – изменчиво. Ценностно-смысловое ядро подразумевает иерархию духовных ценностей, определяющих своеобразие мироощущения, мировосприятия и мировоззрения, а также самобытность образа жизни. Сюда же относятся некие первичные «смыслы», «образы», «образцы» – базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни, а также переживание этих смыслов, их актуализация и мобилизация. По сути дела, наряду с ценностями сердцевину (ядро) национального менталитета составляют этнокультурные архетипы – константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этноса как культурной целостности.

Периферия создается временными, новообразованными либо привнесенными из чужих культур ценностями. Здесь могут быть смещения ценностей в их традиционно устоявшемся порядке, что обычно имеет место в ходе так называемых переворотов в ценностях, а также временные, новообразовавшиеся или привнесенные из чужих культур «смыслы», «образы», «образцы». Как полагает А. Редель, промежуточное положение между ядром и периферией занимают народные сказания, мифы, а также традиционные национально-культурные верования.

Изменчивость характерна больше для периферии. Однако ядро со временем также изменяется. Между обеими структурами происходит обмен, интенсивность которого меняется обычно под воздействием реально-исторических, идеологических, культурных факторов, среди которых долговременные играют первостепенную роль. При этом А. Редель считает возможными как эволюционные, так и революционные процессы внутри ментальности.

При этом попасть из разряженных периферических в плотные ядерные слои могут, как предполагает исследователь, «только те ценности и “смыслы”, которые изоморфны входящим в состав ядра или, по крайней мере, не противоречат им» [8, с. 114]. Остальные (периферийные) элементы обычно могут претендовать лишь на то, чтобы называться «ценностными ориентациями», «предпочтениями», «установками», «ожиданиями», «настроениями», «умонастроением», «верованиями», «интеллектуальной модой», «духовными потребностями», «социальными представлениями», «нравами», обозначаются терминами типа «ценностные ориентации», «установки», «ожидания» и т.п.

Что касается возможности исследовательских операций, то закономерно, что периферический слой в большей степени доступен для социологического дискурса. Поскольку «он лежит на поверхности общественного и индивидуального сознания и его характеристики поддаются измерению в эмпирическом социологическом исследовании», здесь вполне адекватны традиционные позитивные методы социального исследования: анкетный опрос, контент-анализ, операционализация понятий, разработка системы показателей, количественные измерения и т.п. А вот для центральных структур менталитета целесообразно применять методы исследования, разработанные герменевтикой, социально-исторической антропологией, структурализмом, исторической социологией, социологией знания, социалингвистикой, «понимающей социологией», феноменологической социологией [Там же, с. 117].

Во многом схожие проблемы рассматриваются концепцией социальных представлений франко-венгерского исследователя С. Московичи, хотя он предпочитает не употреблять термин «менталитет». Теоретической базой его концепции послужили разработки коллективного сознания Э. Дюркгейма, затем продолженные М. Хальбваксом через введенную им категорию «коллективной памяти», а также «деятельностный подход» советской психологической школы (Л. Выготский, А. Лурия).

Социальные представления выступают в виде некоего «бродила», с одной стороны, объективных идеологий, а с другой – «здорового смысла». Последний представляет собой обыденное знание, усваиваемое в ходе «погружения» в реальную социально-символическую среду или, другими словами, основанное на впечатлениях от реальной действительности, пропущенных через призму имеющихся ментальных характеристик. Автор концепции «социальных представлений» отдает приоритет именно «здоровому смыслу», так как он непосредственно контактирует с окружающей действительностью, включаясь в решение повседневных задач и тем самым обеспечивая динамику социальных представлений. Здравый смысл, кроме того, перерабатывает имеющиеся идеологические положения в узнаваемые образы [6, с. 8], а совершающиеся социальные факты мысленно адаптируются под уже сформировавшиеся, ранее уже существующие взгляды, мнения, оценки [2, с. 109]. Естественно, что логика социальных отношений заставляет представления со временем меняться в рамках одной и той же общественной системы, хотя неизбежно сохраняется значительная степень преемственности.

Подобные подходы существенно расширяют возможности применения антропоцентристской методологии при анализе объективных социальных явлений, к коим во многом относятся факты политической сферы. Как показала практика, социоцентристский подход, даже блестяще разработанный, имеет существенные объяснительные ограничения. Так, К. Маркс разработал во многом весьма продуктивную концепцию «классового сознания», положив в ее основу противоречие интересов – социальный антагонизм.

Согласно названному подходу мировоззренческие установки оказываются жестко обусловленными социальными обстоятельствами, которые пронизывает борьба за более благоприятные позиции в сложившейся общественной системе. Духовным продуктом данной борьбы и является классовое сознание, отражающееся в классовых идеологиях, предписывающих оценку имеющемуся социальному порядку с позиции определенных групповых интересов. С другой стороны, указывается на прямую обусловленность индивидуального мировоззрения групповой (классовой) принадлежностью – «класс становится чем-то самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем их личную судьбу, подчиняет их себе» [5, с. 389].

Объективистская позиция Маркса плюс непримиримость к существующему порядку, вероятно, побудили его выдвинуть весьма любопытный тезис. По его мнению, классовая солидарность вполне может перерасти национальные рамки. Из чего возник знаменитый лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», временами совсем небеспочвенный. В то же время следует признать, что марксистами, скорее всего, был недооценен национальный фактор. Эпоха конца XIX в. и, по сути дела, весь XX в. являли собой частые столкновения между классовым и национальным сознаниями. Думается, что победило все же последнее, хотя временами казалось, что торжествует классовый миф (существование тех же Интернационалов). Тем не менее в современных условиях глобализирующегося мира тезис К. Маркса вновь актуализируется, но уже в нескольких иных формах, анализ которых выходит за рамки настоящей статьи.

К первой половине XX в. относятся работы австрийского ученого В. Райха, объявляющего себя сторонником К. Маркса. Фактически он стремится расширить марксистскую методологию, включив в нее «субъективный фактор истории». Будучи свидетелем прихода к власти НСДАП в результате выборов 1932 г., В. Райх объясняет причины поражения «левых» сил именно догматизацией классового подхода. Если сводить источники сознания исключительно к социально-экономическим факторам, невозможно не зайти в тупик при попытке объяснить иррациональные проявления того же сознания. В то же время для поступков людей характерна противоречивость. Последнее заключается в том, что в сознании большинства индивидов «отсутствует ясная очерченность как революционности, так и консервативности. Основой психологической структуры служит, с одной стороны, социальная ситуация, с другой стороны – общая атмосфера авторитарного общества» [7, с. 25]. По мнению В. Райха, одной лишь пропаганды было бы недостаточно для того, чтобы обмануть массы. Необходима благоприятная для политико-идеологического воздействия структура массовой психики, которая создается под воздействием всей системы социальных институтов.

Идеологи нацистов значительно глубже понимали сущность и роль массовой психики, подвергнув ее эффективной обработке. «Фашизм XX в. поставил основной вопрос характера человека, его мистицизма и стремления подчиняться власти, который охватывает период от четырех до шести тысячелетий» [Там же, с. 26]. Подобные тенденции кроются в человеческом бессознательном, на которое и была сделана основная ставка

в национал-социалистической пропаганде. В. Райх обращает внимание на специфику семейных отношений, типичных для германского общества. Немецкая семья по своей сущности авторитарна. Государственная машина успешно дублирует подобное свойство, но уже на гораздо более масштабном уровне. Страна воспринимается как одна большая семья, полностью подчиненная власти авторитарного отца – государства. Тем самым семья выступает фактически в виде важнейшего инструмента высшей власти.

Важная роль здесь отводится механизму идентификации. В результате авторитарного воспитания формируется беспомощная, подавленная личность, которая тем охотнее и быстрее отождествляет себя с «персонифицированной концепцией нации», иными словами, с фюрером. В итоге «семейный империализм воспроизводится в национальном империализме» [Там же, с. 76].

Анализируя особенности процесса воспитания в немецкой семье, В. Райх активно пользуется методологией классического психоанализа. По его мнению, такие «патологически эмоционально окрашенные понятия чести и долга, мужества и самообладания» формируются на базе жесткого самоконтроля над сексуальными переживаниями [Там же, с. 78].

Стараясь не выходить за рамки диалектического подхода, В. Райх приходит к следующему выводу: «Создавая идеологии, человек изменяет самого себя, сущность человека необходимо искать в процессе, посредством которого он создает идеологии» [Там же, с. 100]. Не отрицая определенного вклада австрийского мыслителя в теорию механизма идеологического воздействия, все же следует признать, что В. Райх методологически обедняет собственную концепцию, делая ставку в объяснении психических факторов сугубо на фрейдистские схемы. По сути дела, он ничего не говорит об исторически сложившихся элементах духовной традиции – национальных мифах, явно давших не меньший толчок реваншистским имперским тенденциям.

В чем-то заполняет данный пробел концепция гегемонии, разработанная последователем К. Маркса А. Грамши. Гегемония здесь трактуется в качестве способности правящего класса к обеспечению своего господства без применения насилия. Именно с этой целью осуществляется последовательное внедрение господствующей идеологии в распространенные в общественном мнении убеждения, ценности, нормы, привычки. Тем самым интерес социальных лидеров маскируется под общественный интерес.

Процесс становления гегемонии может быть успешным только при условии обязательной опоры на культурное ядро общества. Последнее включает совокупность представлений о мире, человеке, добре, зле, множество символов и образцов, традиций и предрассудков, знания и исторического опыта. Стабильность культурного ядра предполагает наличие коллективной воли к сохранению социального порядка, его подрыв вполне может привести к революционным изменениям.

Механизм внедрения идеологии правящего класса предполагает наличие системы слаженной работы информационных источников – радио, прессы, книг, произведений искусства. Кроме того, господствующее мировоззрение должно отражать жизненные практики большинства людей. Отсюда следует обязательный учет образа жизни, мнений большинства, а также подавление возникающих тенденций контргегемонии.

Главным субъектом установления гегемонии итальянский мыслитель называет интеллигенцию. По его мнению, современная интеллигенция есть результат общественного заказа на установление гегемонии посредством внедрения идеологии. По этой причине он называет интеллигентов «приказчиками» господствующей группы, прикупленных последней «для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления» [1].

Ряд современных обстоятельств действительно свидетельствует о проницательности итальянского исследователя. Если обратить внимание на интеллектуалов как в России, так и за рубежом (речь идет в основном о странах Запада), то здесь имеет место существенная социальная дифференциация ученого мира именно по критерию близости к правящим или крупным экономическим структурам, часто связанным между собой. В некотором роде концепция гегемонии может быть применена к объяснению политической роли церковных институтов, что было подмечено создателями недавно вышедшего отечественного фильма «Левиафан».

Интересно, что в конце XX столетия появляются теории, придающие ментальности характерный политический смысл. Так, С. И. Шрамко утверждает процесс формирования нового менталитета – тоталитарного в СССР и Германии, соответственно в гитлеровский и сталинский периоды [9]. В то же время представляется, что подобные теории не лишены определенного идеологического подтекста. Например, это прямо-таки бросается в глаза в теориях «совкового мышления» (С. А. Эфириков и др.). Под так называемой «совковостью» понимали типичный для «простого советского человека» комплекс ценностных ориентаций, установок, поведенческих стереотипов, привычек, пристрастий, эмоциональных шаблонов. Как правило, к их числу относили такие негативные характеристики, как представление о собственной «советской» исключительности; имперские амбиции; эгалитаризм, причудливо сочетающийся с желанием мало работать, но много зарабатывать, гражданский инфантилизм, недостаток инициативности, неготовность рисковать, проявлять самостоятельность и жить без государственных гарантий; авторитаристская склонность к культу личности, поклонению политическим кумирам и идолам и т. д. [8].

Как бы то ни было, но периферийные слои менталитета вполне изменяемы умело построенной политической пропагандой. Именно об этом пишет А. Кольев, когда констатирует все большее распространение политических мифов, не имеющих практически ничего общего с национальными мифами, сложившимися исторически. Политические мифы имеют, как правило, искусственный характер и могут внедряться различными способами – массовая культура, образовательные программы, символическая действительность (например, памятник жертвам сталинских репрессий) [3].

Итак, в современных условиях глобального информационного общества неизбежно будут происходить изменения мировоззренческого плана, затрагивающие в том числе ментальные характеристики. По всему миру происходят динамические трансформации периферийных слоев национальных менталитетов, где существенным (если не основным) фактором выступает глобальная культура, основывающаяся, прежде всего, на материальных ценностях и рационализме. Далеко не всегда взаимодействие традиционной и глобальной культур проходит гладко, о чем свидетельствует как феномен глобализации, так и ряд других обстоятельств (например, освободительные антиколониальные движения обычно возглавляли представители местной интеллигенции, прошедшие обучение в метрополии, то есть западных странах). Тем не менее поиск оптимального сочетания следует вести и применительно к особенностям конкретной национальной системы, что особенно справедливо в отношении России. Это поможет не только гармоничному развитию национальных систем в контексте глобальных процессов, но и в перспективе должно уменьшить конфликтотенный потенциал социальных отношений.

Список литературы

1. **Грамши А.** Тюремные тетради [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe/read/ (дата обращения: 11.07.2015).
2. **Емельянова Т. П.** Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
3. **Кольев А.** Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 384 с.
4. **Кононенко Б. И.** Большой толковый словарь по культурологии [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/dictionary/1170> (дата обращения: 25.05.2015).
5. **Маркс К.** Социология: сборник. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 432 с.
6. **Московичи С.** Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3-18.
7. **Райх В.** Психология масс и фашизм. СПб. – М.: Университетская книга, 1997. 380 с.
8. **Рёдель А. И.** Российский менталитет: к социологическому дискурсу // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 109-118.
9. **Шрамко С. И.** Маленький человек на randevу с постсоветской Россией // Проблемы менталитета в истории и культуре России. Новосибирск, 1999. С. 3-35.

MENTALITY AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON: EXPERIENCE OF THEORETICAL INVESTIGATION

Pchegatluk Svetlana Kalacherievna, Ph. D. in History
Kuban State Technological University
psvetlanak@mail.ru

The article presents the author's original interpretation of mentality as a theoretical phenomenon from the viewpoint of its influence on socio-political processes. The paper introduces broad methodology for the analysis of mentality emphasizing its socio-political aspects, possibilities to examine it within the framework of the concept "class consciousness". Relying on the structural form of mentality "nucleus – periphery" the author argues for the higher level of the variability of peripheral layers that are exposed to information processing and come out as motivators of socio-political behaviour.

Key words and phrases: mentality; social conceptions; globalization; global culture; collective consciousness; political myth.

УДК 94(47).084.1

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению роли А. Ф. Керенского в истории Русского Зарубежья, что стало особенно актуально в связи с заметным усилением на современном этапе интереса к альтернативным вариантам развития российского общества, поиску новых моделей демократии и их конструированию. При этом усиливается необходимость рассмотрения психологической природы и мотивации некоторых поведенческих действий Керенского, в том числе и на эмиграционном этапе его жизни.

Ключевые слова и фразы: Русское Зарубежье; интервенция; «третий путь»; Учредительное Собрание; Народный комиссариат внутренних дел.

Рыбаков Игорь Михайлович
Южный федеральный университет
rybakov_i_m@mail.ru

**РОЛЬ А. Ф. КЕРЕНСКОГО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
 РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1920-1930-Х ГОДАХ[©]**

Фигура А. Ф. Керенского вызывает сегодня неподдельный интерес, что делает данную тему весьма актуальной. Ей в последнее время посвящены работы таких авторов как С. В. Тютюкин [8], В. П. Федюк [9]